

Культурная революция

НАША С ТОБОЙ революция — очень
культурна.

Мы говорим «извини», перед тем как
выстрелить в спину.

Гильзы — выбрасываем в урны,
Разорванные сердца сравниваем с гроздью
рябины.

Мы с тобой перед боем разливаем виски,
Не какой-нибудь пошлый спирт.
Ты — переодетая медсестрой, должна тащить
Раненого меня, чтобы это напоминало флирт.

Наши танки выкрашены в бело-синий,
Пускай детям на детской площадке они
покажутся облаком.

Мы бросаем друг в друга не разрывной
гранатой,

Но спелым разрывным яблоком.

Безусловно, мы не дерёмся 24 часа в сутки,
Я прерываюсь на футбол, ты на сериал,
мы на five-o'clock.

И в перемирие я притащу ромашки там,
незабудки,

В бинокль — можно увидеть сплетение рук
и ног.

Да, наша революция очень культурна,
За «слово ниже пояса» бегом под трибунал
или к маме с плачем.

Хотя, если это «слово» сказано в контексте
умной беседы,

Можно стогнать за коньяком и шоколадкой
на сдачу.

А после — сбросив бронежилеты, мы
Серьёзно — и исключительно культурно,
Пересчитаем все гильзы, не брошенные тобой
(мною),

В расставленные — по краям окопа — урны.

Deja — весу¹

КОГДА умирают люди,
Их sim-карты тоже хоронят,
Не так пафосно, как человека,
А просто в мусорное ведро.
На карте номера телефонов,
Ближних, родных и не очень,
Начальников и подчиненных,

¹ уже прожитое...

Да и просто «левых» людей.
Ну вот, например, Серега,
С которым в поезде ехал...
А может пиво пил в баре...
Словом совсем никто.
Вот номер старшего брата,
Который снова женился,
После первой же брачной ночи,
Задумавшись: на хрена...
Покойный, год как развелся,
Поэтому под именем «Витя»,
Он больше не скрывал блондинку,
С четвертым размером груди.
Конечно же, телефон мамы,
Самой дорогой и любимой,
Звонки по выходным,
Именины, и далее по календарю...
Александр, друг детства покойного,
Строитель с дипломом психолога.
Он сказал, что одиночество — это
Забытая мелодия своего звонка.
Покойный не знал одиночества,
Был бабником с вечным девизом:
— Мочиться против ветра можно,
Если позволяет напор!
Словом и т. д. и т. п., были еще абоненты,
Они удаляли из списка,
Покойного — за столом, на поминках,
Под плач: «вечная память»,
Допивая третий стакан...

Лубочная тема о сказочном персонаже, влюблённом в заморскую красотку в эпоху высоких технологий общества потребления

ВОТ МОЙ ПАСПОРТ, в нём так и написано:
«Прекрасный принц».
Ты не слушай орущих, типа: «Иван — дурак!».

Просто я, предпочитаю мёртвую воду — живой,
Ожидая, когда с горы свиснет: туберкулёз
или рак.

Я как есть — просто сказочный персонаж,
Дети спят. Перехожу на мат.
Укоряю себя: ну зачем ты зарезал свинью?
И что теперь делать с байдой про трёх поросят.

Казна моего тридесятого царства пуста,
Орёл утащил в своём клюве последнюю решку.
Но плевать, где тот камень, что сковывал
невесомость души?
И не важно, сколько гномов было у тебя
до меня, Белоснежка.

Не пугайся наших славянских разборок, ведь
Это же сказка, здесь всё, так сказать, понарошку.
Порубив на капусту Кощея, устроив всем
хеппи-энд,
Вызываю ему нереальную неотложку.

Да, твою красоту, не описать пером,
Не отстучать на клавиатуре в формате «ворд».
Моя жизнь до тебя — просто безалкогольный
спирт,
Нас кружит — синкретичнейший хоровод.

В XXI веке Жар-птица является только под LSD,
Горбунка в модельном ряду заменил спорткар.
И взлетает как «боинг» — «горыныч-747»,
И горят, и падают в море клиенты турфирмы
«Икар».

...Жили долго и счастливо с ней — умерли
в один день,
Только всё это, сейчас, романтическое фуфло.
Мы лежим в захлопнутой книге, как в закрытом
гробу,
И Жар-птица, в психоделическом вальсе машет
крылом...

Об уходящей натуре

ЖИЗНЬ С БРИГАДОЙ «понаехавших тут»,
Проводит евроремонт в своей камере пыток.
Головой понимаешь, откуда ноги растут,
Но уже не красив, не здоров, не прыток.

Когда-то был молод, как серп Луны,
Спартак, Жюль Верн и слова на заборе.

Юный узник подгузников, и той страны
От которой остались лишь слова на заборе...

Осень под шум листвы катает некрологи,
Без нас на Марсе будут яблони цвести,
Ухожу от тебя, навсегда, в безумном монологе,
Возвращаюсь, выбросив мусор, вспомнив слово
«прости».

Неугомонные феи стареющим золушкам
Превращают тыквы в кареты, но уже скорой
помощи;
Их принцы с артритом и протоколами
в принципе,
После полуночи без всякой магии — такие же
овощи.

А жизнь это просто — как ядерный тостер.
Она смертью грозила, намекала, пугала.
Вот умрёшь от взгляда продавца в Доме Быта,
И задумаешься, какая там после Валгалла...

Военная тема

АТОМНАЯ ВОЙНА БУДЕТ буднична,
как атомная война,
Ни по каким каналам Лебединое озеро
не ответит.

И страна, где ты в отпуске был, будет вражеская
страна
И в тебя направят стволы её подростки.

Придёт маршал: рок-н-рольно как из Ливерпуля;
И женщина нарожает за себя и за того парня,
Которого сосчитает, как хороший бухгалтер,
пуля;

И будет мешать опилки с дерьмом
хлебопекарня.

Война будет технологична, чёрт её подери!
С ружьём, лазерным прицелом и кофеваркой.
Стреляй, перемалывай зёрна, как кости,
покрепче вари,
Но скорей обойдётся обычной российской
заваркой.

Стройными шеренгами, не обречёнными
на «мир-труд-май»,
Загнивший запад по запаху не отличишь
от востока.

Давай, без правой ноги, чувак, не хромай,
да и головы не теряй, от такого «немыслимого
восторга».

Нервное

МОЯ МУЗА В БЕЛОМ медицинском халате
Упорхнула ставить уколы менеджеру среднего
звена.

А я думал, что после разрыва со мной
Она будет, чёрт возьми, вечно одна.

А теперь бесишься, представляя себе, как он
Рассказывает ей об очередной удачной сделке;
Наверное, доедает мой любимый суп,
Я чувствую себя в этой самой тарелке...

Но знай: мысленно, я закопал тебя у беседки.
И изменил тебе с нашей соседкой.
Теперь я хожу на футбол, а не к твоей маме.
И превратил в комедии все те семейные драмы.

Куплю телевизионную тарелку и буду
Смотреть по ночам порно.
Заведу живого кота (от которого у тебя
аллергия)

И он будет, естественно, чёрным.

Я не услышу больше фраз, типа «вынеси
мусор»!
Слишком долго это было моим супружеским
долгом.

Радуйся, дорогая! Твой менеджер сегодня
Принёс с работы хороший улов.
Я подберу рифму к словосочетанию «речная
гладь».

Прикинусь счастливым, не стану наблюдать
часов.

Непричёсанные берёзы

РУССКАЯ ГЛУШЬ, тихое утро.
Навстречу редкие автомобили.
Колодцы, тощие коровы —
Сто, двести лет назад здесь люди
Точно так, наверно, жили.
Бескрайние луга, земля,
Она как бархат,
хочешь, коснись руками;
И никого вокруг,
Лишь одинокие старухи,
Их мысли птицами
Давно летят под облаками.

Разбросанные у дороги избы
И покосившиеся кровли набок.
— Эй, есть здесь кто-нибудь?
На всю округу.
В ответ лишь крик ворон и галок.
Берёзы кланяются у обочин.
Мужик сено везёт на старой кляче,
Убогий, одинокий мир,
Забыт — он по утрам росую тихо плачет.
Гляди в окно,
С двадцатого этажа
Увидишь этот горизонт и эти слёзы?
Пьяный пастух уснул на солнце,
Пасутся без присмотра козы.
Летят года и дни,
Одна, ни с кем не говоря,
Под крики петухов встаёт заря.
Лишь семь утра, дед еле на ногах,
В ответ он тихо:
— Что же, угощали.
В углу, вместо икон
Портрет Горбачёва,
Но об итогах перестроек
Тут никому ещё не сообщали.
Не те уж сказки.
Иванушка у телевизора на печке
И Василиса в узких джинсах
Простившись навсегда, жить едет в город.
Заря тем временем угасла,
И солнце на сковороде картофель жарит.
Машины с горожанами мчат мимо —
И берёзам, никто гребёнки, верно, не подарит.

Идеальный мир

Ты б лучше быть могла,
Но лучше так, как есть.
И. И. Дмитриев

КО МНЕ ПРИШЕЛ ДРУГ. Сказал: «Нам
по двадцать пять,
Пора обзаводиться детьми и женами».
Хватит смущать этот мир, — я так его понял,
Как сигаретой, свободой прожженными.

Неприменно. Завтра начнем эти вечные:
— Как Вас зовут? Как Вы красивы!
А сегодня футбол и еще раз футбол.
О, спорт, ты телевизор и пиво!

Лицо после вчера напоминает фоторобот.
Наскоро брешься, не ровен час, признают
за рецидивиста.
Зарплата ушла с новым рекордом, и жизнь
зависла,
Как тучи над землей, как Windows Vista.

Меня спрашивают: Когда ты бросишь пить?
Про себя думаю: буду биться со змием
до последнего стога.
А вслух говорю: Восьмого числа, крония месяца,
Нынешнего гекатомбеона.

Площадь. Человеки — словно кровь,
Бегут и бегут по венам.
Думаю: Почему, в Ливерпуле —
Не Ленин, а в мавзолее — не Леннон?

Ладно. Оставим эти преданья старины глубокой.
Друг прав. Нужно искать ту единственную,
От любви к которой, я бы в истерике бился.
Она утром, глядя голубыми глазами,
Поправляя прядь непослушных волос,
Скажет: — Гад, ну и где ты вчера напился!?

... ПЕРЕСЧИТЫВАЕТ «ДРУЗЕЙ» по перьям
своего крыла,
ангел XXI века, праведник на полупроводниках.
писание в формате аудиокниги: не убий,
не возжелай,
по дороге в офис, в пробке, пригодится
наверняка...

святой отец, отпусти мне 2 гигабайта грехов,
я из тысячи тысяч, простой файлообменник.
монах РПЦ или сержант ГАИ потенциальный
ИОВ
когда нечего делать богам в дождливый
понедельник.
жизнь не телевизионное шоу, какая тут к чёрту
интрига
но на этом пути, не проще чем на соседнем пути.
что-то хрустит, как февральский снег, но это
не кости, а книга,
завёрнутая в газетную бумагу, она по-детски
прижата к груди...